

В конце каждой части, которые планируется издать отдельными книгами, предполагается поместить именную и тематический указатели.

Подчиненное единой концепции – воссозданию духовной жизни Германии XX века в истории ее литературы – академическое издание призвано дать целостное представление о сложном и многогранном характере литературного процесса в Германии в один из ее самых драматичных и исполненных трагизма периодов. Неся груз вины за ошибки и заблуждения, приведшие к развязыванию двух мировых войн, к реализации в форме гитлеровского режима идей Третьего рейха, пережив крах имперских амбиций, а в течение сорока послевоенных лет живя под расколотым небом в границах ГДР и ФРГ, двух идеологически, а во многом и культурно, разных государств, немецкая нация прошла сложный путь от объединения в единое государство в конце XIX века до последовавшего в 1989 году и продолжающегося до сих пор трудного процесса воссоединения.

Т.Г. Румянцева, А.А. Грицанов (Минск, БГУ)

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОСРЕДСТВОМ КОНЦЕПТОВ

Актуальность вопросов, заявленных в программе данного международного семинара¹, имеет, на наш взгляд, скорее философский, нежели чисто литературоведческий или лингвистический характер, хотя его и организовала филологическая кафедра. Этот тезис можно аргументировать, опираясь, по крайней мере, на два положения, касающиеся самого процесса развития философского знания в XX столетии.

Во-первых, это связано с так называемым «лингвистическим поворотом», когда философия вплотную приступила к исследованию отношения между языком и миром, к экспериментам вокруг языка, понимая его как самодостаточное, самоявляющееся, многослойное образование; когда конституирование мира стало приписываться уже не трансцендентальной субъективности, а грамматическим структурам языка. Произошел переход от философии сознания к философии языка, перевод философских проблем в сферу языка и решение их на основе анализа языковых средств и выражений. Наступил период значимости языковой доминанты культуры.

Во-вторых, это появление во второй половине XX века философии постмодернизма. Согласно одной из основных презумпций которой, окружающий человека мир в процессе его постижения, заметьте, не познания, пафосно организуется как Текст. Последний перестает, таким образом, трактоваться только как литературное произведение, и потому проблема текста, традиционно существующая на стыке литературоведения, лингвистики (и герменевтики), начинает активно вовлекаться в круг собственно философских изысканий, хотя, разумеется, с учетом технологий и стратегий, наработанных в филологии и герменевтике, без которых обращаться сегодня с миром уже нельзя.

Отсюда следует, что вопреки давно сложившейся иерархии в границах неестественно-научного знания (философия – гуманитарные дисциплины) в свете двух вышеупомянутых моментов литературоведение начинает занимать, или уже заняло, равноправное по отношению к другим гуманитарным дисциплинам, в том числе и по отношению к философии, место.

Можно зафиксировать еще один разворот проблемы. Становление науки, как особой формы постижения действительности (наряду с религией и эзотерикой) начинается тогда, когда исследователь оперирует с так называемыми абстрактными объектами, ориентированными уже не на эмпирическую повседневность; когда начинается работа с такими идеальными объектами (это хорошо показано В.С. Степиным), которым нет аналогов в наличной действительности. В этой связи следует обратить внимание на то, что и философия как таковая, строго говоря, начинается только там и тогда, где и когда сами понятия становятся предметом исследования. Что хорошего действительно внесли постмодернисты в философскую и литературоведческую традицию, так это то, что они всерьез занялись в философии словотворчеством (хотя здесь можно упомянуть еще Хайдеггера и даже Ницше). Именно благодаря этой процедуре они превратили философию в конструирование возможных миров. Но то, что отличает философию в постмодернистском развороте от экспериментов, которыми занимались, например, Хлебников и другие, это то, что философия организует это словотворчество в формате концептов.

Осмысление концепта как такового происходит в нашей философской традиции сравнительно недавно. Нельзя не упомянуть здесь имена В.Л. Абушенко и авторов данного сообщения. В ряде их статей, опубликованных в недавно вышедшей книге «Новейший философский словарь. Постмодернизм» [1],

¹ Данное сообщение было прочитано 11 апреля 2008 года на международном научном семинаре «Филологическая наука: история и современность, школы и методы, проблемы и перспективы» (УО «Полоцкий государственный университет», Полоцк) – *прим. ред.*

предпринята попытка осмыслить понятие концепта, давно и активно востребованного в западных философских текстах, особенно у французских авторов [2]. Концепт рассматривается здесь как содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения. Соответственно, определенным образом упорядоченный и иерархизированный минимум концептов образует так называемую концептуальную схему, а нахождение требуемых концептов и установление их связи между собой и образует суть концептуализации. Итак, концепт это нечто, находящееся между языковыми высказываниями и соответствующими денотатами. Концепты не всегда непосредственно соотносятся с соответствующей данной схеме предметной областью, скорее, они сами становятся чем-то вроде способов или средств конструирования, задания реальности. В этом плане они все же обладают определенной онтологической наполненностью в отличие, скажем, от так называемых конструкторов.

Концепт образуется в массиве философского и социально-гуманитарного знания в ходе становления эпохи модернизма (XIX век), когда для этого знания были признаны в качестве необходимых следующие презумпции:

1) о самодостаточности человеческого разума, то есть освобождении его от трансцендентно-божественного разума;

2) о креативности и в то же время исторической ограниченности природы разума (здесь немало было сделано И. Кантом в его «Критике чистого разума», поставившей под сомнение тотальность и абсолютность последнего);

3) о контекстуальности разума, его исторической изменчивости и способности трансформировать социальную реальность (О. Конт). Отсюда известная по «Тезисам о Фейербахе» установка К. Маркса о том, что философы должны «изменять», а не объяснять мир. Разрывая с классикой, формирующийся новый тип философской рефлексии делает своего рода программной установкой, основой неклассического философствования, идею преобразования мира, своего рода социального конструктивизма. Философские понятия начинают теперь во многом отстраиваться именно как концепты, то есть как программы переконструирования мира. В качестве примера можно привести концепт «пролетариат», в котором имманентно содержатся такие содержательные признаки, как лишенность средств производства, обездоленность, бесправие, эксплуатируемость, «вооруженность» революционной теорией, готовность к насильственной социальной революции; или в литературоведении концепт так называемого «лишнего человека».

Если понимать современную философию в духе Делёза и Гваттари как «познание посредством чистых концептов» [2, с. 16], то она сразу же выходит за границы привычных берегов: она становится не просто созерцанием (и тем более не отражением) мира, не рефлексией и не коммуникацией (как поиском консенсуса). Чем понимаемая как творчество концептов философия оказывается близка творчеству литературоведов? Тем, что концепт сотворен философом, имеет на себе его авторскую подпись (платоновская идея, декартово *cogito*, кантовское *априори*). Он соотносится с так называемыми концептуальными персонажами (Сократ в платоновских диалогах, ницшевский Дионис или Заратустра).

Концепты, или учение о концептах, крайне важны не только для философии, но и для литературоведения, так как только через них оно и может сегодня сохраниться. Дело в том, что современная философия и многие стратегии современной культуры фундированы, и в целом справедливо, той философской традицией, которая провозглашает презумпцию-метафору «смерти автора». Предполагается, что ни один текст не может иметь изначально заложенного в него автором смысла; более того, смысл каждый раз заново порождается при прочтении текста (ярчайший пример здесь Библия). Противостоять этой идее, которая, на наш взгляд, «хоронит» литературоведение как таковое, лишая его статуса науки, можно только тогда, когда литературоведение будет «осуществляться» не через экспликацию-импликацию изначально заложенных автором смыслов, а через реконструкцию системы концептов, вложенных в него автором в связи с определенным контекстом (что, по-видимому, давно и успешно делается). Кстати говоря, масштабы «похорон» гораздо страшнее, ибо метафора «смерти автора» разрушает основы всей европейской культуры с ее превознесением автора как синонима аутентичности и отсюда только один шаг до разрушения неприкосновенного для Запада института собственности. Таким образом, именно осмысление текста через концепты, предположительно вложенные в него автором, только и позволяет:

1) осмыслить фигуру автора в контекстуальности его бытия;

2) уяснить смысл текста, как обладающего некоей привилегированной, скажем – «исторически предпочтительной» ипостасью;

3) в перспективе попытаться выработать некоторые метаалгоритмы процессов формирования концептов, которые могут быть положены в методологические основания как литературоведения, так и философии.

Эти проблемы, вопреки кажущейся их избыточной «затеоретизированности», удивительно актуальны и имеют непосредственно практически-политический характер для современной Беларуси. Дело в том, что раньше, в советские времена, и философия и литературоведение находились исключительно в границах претендовавшего на универсальность тотального советского дискурса. Сегодня по известным

причинам этот дискурс разрушен, и мы находимся в границах дискурса глобализации, который внешне носит демократически-либеральный характер, но на самом деле «загоняет» ценностные иерархии основных культур мира в хорошо известные рамки. В этой связи выработка собственной, национально-фундированной системы духовных (идеологических) концептов выступает важнейшим компонентом процесса сохранения культурно-цивилизующей идентичности белорусской нации в эпоху глобализации. Посредством разработки такой системы дискурсов мы сможем не только перспективно и новаторски осмыслить предшествующую традицию, но и, избегая философской интоксикации, осваивать лучшее из западного дискурса глобализации, осуществляя органичный «перемонтаж» или трансляцию культурных кодов, предъявляемых другими культурами в настоящее время. В качестве примера можно привести концепты «либеральное государство», «гражданское общество», «гуманизм», которым давно в современной реальности ничего, строго говоря, не соответствует, а мы по-прежнему продолжаем оперировать ими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абушенко, В.Л. Концепт / В.Л. Абушенко, Н.Л. Кацук // Новейший философский словарь. Постмодернизм. – Минск, 2007; Грицанов, А.А. «Что такое философия?» (Делёз Ж., Гваттари Ф.) / А.А. Грицанов, Т.Г. Румянцева // Новейший философский словарь. Постмодернизм. – Минск, 2007.
2. Делёз, Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с франц. С.Н. Зенкина. – М.; СПб., 1998.

Т.М. Гордеенко (Полоцк, ПГУ)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ СУДЬБЫ ИЛИ КОНЦЕПТ «СУДЬБА»? К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ НЕМЕЦКИХ РОМАНТИКОВ)

Понятие судьбы относится к числу основных категорий человеческого мышления. С древнейших времен люди пытались понять, почему события происходят так, а не иначе, почему один человек остается живым и невредимым даже в самых немислимых обстоятельствах, а жизнь другого обрывается неожиданно и трагически. Размышления и суждения на эту тему отражены во всех известных мифологиях, религиях, философских системах, народных пословицах и поговорках. Предельно обобщив имеющиеся представления о судьбе, можно говорить о двух основных подходах ее интерпретации. С одной стороны, судьба понимается как нечто сверхъестественное, неотвратимо довлеющее над человеком, как все то, чего человек не может избежать, несмотря на все усилия. Согласно противоположной точке зрения провозглашается частичная или даже полная свобода человека от какой-либо предопределенности. В рамках данной концепции человек является внешним детерминантом по отношению к судьбе, может не только противостоять, но и управлять ею. Однако и в том и в другом случае судьба рассматривается как соподчиненность бытия человека и мирового порядка. Многообразие существующих трактовок указывает на противоречивость восприятия судьбы в человеческой истории.

Судьба представляет интерес для разных областей знаний, может рассматриваться с философской, культурологической, литературоведческой, лингвистической и даже педагогической точек зрения. Отметим, что повышенное внимание к интерпретации понятия судьбы, как в обыденной жизни, так и в науке проявляется с 90-х годов XX века. Изучение представлений о судьбе дало возможность накопить достаточный опыт, вместе с тем проведенный анализ литературы указывает на отсутствие устоявшегося терминологического инструментария, которым могут оперировать исследователи при работе в данной области. Прежде всего, необходимо обратить внимание на многообразие терминов, к которым прибегают исследователи при изучении судьбы: проблема, тема, идея, мифологема, понятие, концепт, концепция, художественная концепция. Остановимся подробнее на некоторых из них.

К понятию «концепт» обращаются лингвисты, философы, а в последнее время все чаще и литературоведы, что порождает дискуссии о правомерности использования данного понятия при исследовании художественных текстов. Приведем несколько дефиниций концепта. З.Д. Попова и И.П. Стернин определяют концепт как «многослойный образ с общенациональным ядром и обволакивающей его периферией со сколь угодно большим количеством слоев разной групповой и индивидуальной принадлежности» [1, с. 25]. С.Г. Воркачев пишет: «Концепт – это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующий соответствующую лексико-семантическую парадигму» [2, с. 36]. Итак, определение и исследование структуры концепта невозможно без выявления различных языковых модификаций и их лексических дериватов.

В русском языке концепт «судьба» представлен целым рядом лексем, основными из которых являются судьба, рок, случай, предопределение, доля, предназначение, фатум и так далее. При исследовании судьбы в прозе немецкого романтизма мы выделили 15 лексем, образующих ядро и периферию